

И. ГАСАНОВ. Национальные стереотипы и «образ врага»

Становление и развитие национальных стереотипов.

Место образа врага в межнациональных отношениях

Имеющее за спиной не одну тысячу лет истории, громадный опыт невзгод и удач, побед и поражений человечество продолжает учиться на собственных ошибках. Выходит, верно, что история учит тому, что она ничему не учит. Или, как говорил один мудрый политик, история доказывает, что человечество необучаемо.

Является ли в таком случае вопрос одного из великих представителей нынешнего века о том, «дойдет ли человечество до совершенства», предметом хотя бы просто разговора? Горы книг, статей написано только нашими современниками, не говоря о предшественниках, на тему важности общечеловеческих ценностей, о том, как важен мир на земле, что все люди – братья; какие только призывы не звучали и звучат ежедневно и ежечасно к спасению человечества; мы не устаем повторять, что наша планета в опасности, что венец природы, человек, довел себя до грани самоуничтожения.

Почему *homo sapiens*, может быть, при определенных обстоятельствах с большой буквы *homo sapiens*, гордящийся именно тем, что он разумен (хотя как можно гордиться тем, что далеко не твоя заслуга), не может скинуть с себя, со своей души груз ненависти к себе подобным, но чем-то отличающимся, к тому, что его окружает и чем он время от времени восхищается, благодаря чему он существует?

Где мы упустили то, что нас объединяло с природой (и упустили так давно, что не помним – что же это было), что нас оторвало от земли, что лишило нас души?

Где корни тех предрассудков, которые ослепляют нас, лишают нас возможности видеть друг в друге, независимо от цвета кожи, языка, выбранного бога, звучания имени, национальности и многого другого, прежде всего, людей?

Ведь, казалось бы, что может мешать людям жить рядом и мирно, особенно тем, кто, во-первых, так жил в течение веков, а во-вторых, не имеет альтернативы жить иначе. Вряд ли какой-либо народ сегодня, только из-за того, что с соседом не повезло, сорвется всем миром с родного и обжитого места, оставит свои дома, поля, сады, кладбища, одним словом, биографию, и переселится на другое место. Да и переселиться некуда. Наверняка это ясно всем сторонам, тонущим сегодня в межнациональных распрях.

Тогда чем объяснить то, что творится между народами, большими и малыми нациями? На сегодня в мире насчитывается больше 60 длительных – только длительных (!) – конфликтов. Хотя причины этих конфликтов разные, – в сущности, эти причины можно свести к одной: кажущаяся или действительная несправедливость, – по своей природе они весьма схожи.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ СТЕРЕОТИПОВ

При исследовании национальных стереотипов, которые не только могут выступать в качестве серьезных психологических барьеров в процессе межнационального общения, но и сыграть существенную роль как в разрешении, так и в эскалации межнациональных конфликтов, одной из важнейших задач является изучение аффективных характеристик этих социально-психологических явлений. Национальный стереотип как разновидность социального стереотипа с точки зрения его структуры и функций близок к социальной установке, что предполагает выделение в его структуре компонентов, аналогичных структурным компонентам установки. Если учесть, что установка представляет собой психологическую основу стереотипа, готовность воспринимать явление или предмет определенным образом, вписывает его в определенный контекст предшествующего опыта, то этнические установки – это готовность личности воспринимать те или иные явления национальной жизни и межнациональных отношений и в соответствии с этим восприятием действовать определенным образом в конкретной ситуации. Этнические установки фокусируют в себе убеждения, взгляды, мнения людей относительно истории и современной жизни их этнической общности и взаимосвязей с другими народами, людьми иных национальностей. В современных условиях усилия ученых направлены на выявление механизмов, способных гармонизировать межнациональные отношения, оптимизировать этнические установки.

Неслучайно, что феномен «национального стереотипа» обсуждался и обсуждается в научных дискуссиях в течение многих десятков лет, особенно в последние годы этот феномен привлекает внимание широкого круга исследователей.

Традиционно закрепившийся в общественных науках термин «национальный или этнический стереотип» означает устойчивое, схематичное и эмоционально окрашенное мнение одной нации о другой или о самой себе. Оба варианта термина часто употребляются как синонимы. В лучшем случае термин «национальный стереотип» не употребляют для характеристики этнических предрассудков добуржуазного периода, поскольку «тогда еще не было наций».

Национальные стереотипы (в узком смысле понятия) – это естественные составные элементы национального сознания, своего рода «коллективное представление», помогающее людям осознать свою национальную принадлежность, свое отличие от других национальных общностей.

Стереотип воплощает в себе специфическое отражение ценностей, единообразное отношение к объекту, его усредненное восприятие. Иначе говоря, если ценность мы примем за норму, то стереотип будет нормой отношения к норме, то есть «нормой в квадрате». Стереотип зависит от ценностной ориентации, вытекает из нее и выражает ее в схематичном виде.

В то же время национальный стереотип позволяет личности без лишних размышлений соотнести собственную оценку любого явления с политической ценностной шкалой своей группы.

Желая соответствовать ожиданиям группы (иначе легко попасть в категорию изгоев), человек невольно определяет свои политические симпатии в рамках, диктуемых этой шкалой.

МЕСТО ОБРАЗА ВРАГА В МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

То, что в наши дни, как политический, так и журналистский лексикон обогатился выражениями типа «образ врага», «образ партнера», «национальные стереотипы», свидетельствует о многом. Но в первую очередь это говорит о понимании значения и роли психологического фактора в межнациональных отношениях и невозможности абстрагироваться от него даже на уровне языка. Известный американский психолог и публицист Сэм Кин свою книгу, посвященную проблемам побудительных мотивов, механизмов и методов формирования «образа врага» в индивидуальном и массовом сознании в современную эпоху, предваряет известным положением Устава ЮНЕСКО о том, что войны начинаются в умах людей. «Сначала мы создаем врага. – пишет Кин в предисловии, развивая эту мысль. – Образ предваряет оружие. Мы убиваем других мысленно, а затем приобретаем палицу или баллистические ракеты, чтобы убить их физически. Пропаганда опережает технологию».

На протяжении всей истории человечества дефицит сотрудничества, взаимное непонимание, негативные стереотипы, основанные на плохом знании друг друга, являлись причиной недоверия между народами. Предубежденность и подозрительность, напряженность и враждебность были, за редкими исключениями, постоянными спутниками отношений между государствами и народами.

Большинство войн и конфликтов было порождено не ложными представлениями и отнюдь не негативными национальными стереотипами, а реальными экономическими, политическими, социальными причинами, различными интересами и противоречиями, и сводить конфликты и войны лишь к неправильному восприятию окружающего мира или какой-либо страны, отдельного народа было бы неправомерным. Вместе с тем, сама ситуация напряженности, особенно ведущая к вооруженным конфликтам, порождала и одновременно подкреплялась «образом врага», который, как указывает современный исследователь данной проблемы А.Ю. Мельвиль, «...формировался в массовом сознании и лежал в основе особой психологии враждебности и ненависти по отношению к другим странам и народам».

«Образ врага» представляет собой носящее стыковой характер комплексное понятие, в исследовании которого, на наш взгляд, должны использоваться данные различных областей науки, как истории, археологии, так и этнографии, психологии и др.

В различных обществах и культурах, у различных народов «образ врага» приобретает некоторые общие черты. При всех различиях в причинах и обстоятельствах конфликтов и войн, на протяжении истории существует повторяющийся набор изображения противника – некий «архетип» врага, который создается, как мозаика, по частям. Враг изображается: чужаком, агрессором, безликой опасностью, богоненавистником, варваром, ненасытным захватчиком,

преступником, садистом, насильником, воплощением зла и уродства, смертью. При этом главное в «образе врага» – это его полная дегуманизация, отсутствие в нем человеческих черт, человеческого лица. Поэтому «абсолютный враг» практически безличен, хотя может и персонализироваться. Восприятие чужака в качестве врага уходит корнями в родоплеменное общество человечества. Именно тогда закладывались социально-психологические механизмы «образа врага», как правило, вне своей микросреды. Появились антитезы «мы – они», «свои – чужие», «племя – враг племени». «Паранойя стала не случайным индивидуальным проявлением патологии, а нормальным состоянием человека... Привычка направлять нашу враждебность вовне, на тех, кто неизвестен нам, так же привилась у человека, как способность рассуждать, удивляться, изготавливать орудия».

Эта паранойя враждебности проявлялась и проявляется на протяжении всей истории человечества. Для обеих сторон характерны самооправдание и обвинение другой стороны по образцу: мы невиновны – они виноваты; мы говорим правду – они лгут; мы информируем – они пропагандируют; мы лишь обороняемся – они нападают; наши ракеты предназначены для сдерживания – их ракеты предназначены для первого удара.

Таким образом, логика традиционного политического мышления неизбежно приводит к формированию особой психологии «гомо хостилис», человека враждебного, который воспринимает окружающий мир априори как враждебный, полный врагов. Такая деформированная картина мира подкрепляется двойным стандартом в оценке своих и чужих действий. Кроме того, сознание «гомо хостилис» находится под властью того, что в психологии называется когнитивным диссонансом, когда «образ врага» понуждает к заведомо неразумным и неоправданным действиям, которые в свою очередь оправдываются тем, что «врагу» приписываются еще более злостные намерения, в результате чего возникает заколдованный круг враждебности.

С. Кин связывает возникновение чувства враждебности у индивидуума с самореализацией негативной части подсознательного «я», с заложенной в человеческой психике потребностью в обнаружении «козла отпущения», источника бед и т.д.

В чем же причины существования «образа врага»? Почему этот образ оказывается столь живучим, а человеческое мышление часто находится под его влиянием? Ответы на эти вопросы даются в зависимости от установок тех или иных концепций, авторов, стоящих на разных методологических позициях.

Согласно психоаналитическому учению З. Фрейда и некоторых современных неофрейдистских теорий агрессии, «...склонность к агрессивному поведению является неистребимым инстинктом человеческой природы. Этот инстинкт представляет серьезную помеху развитию цивилизации... Эволюция цивилизации есть по сути дела непрерывный процесс внутренней борьбы между инстинктами сохранения и воспроизводства жизни и инстинктом агрессии и истребления».

Свой тезис об «инстинктивной агрессивности» З. Фрейд применял не только для объяснения индивидуального поведения личности, но и распространял его действие на общественную жизнь. Потребность в ненависти и агрессивных действиях, утверждает З. Фрейд, заложена в человеческой психике от природы, и она неизменно проявляет себя в войнах, конкуренции, расовых и иных социальных конфликтах. Современные неофрейдисты утверждают, что корни всех проявлений агрессивности и насилия следует искать не в материальных отношениях, а в индивидуальной психологии, в субъективности мира личности, заявляя, что проблема современного насилия – это проблема не социального, а психологического характера.

Видимо, особое внимание следует уделить генезису «образа врага» как структурному элементу общественного сознания, который, возникшая исторически в условиях первобытно-общинного строя как своего рода «археологический пласт», присутствует в позднейших образованиях, в дальнейшем подпитывается новыми мотивами и зависит от качественно иных условий. В рабовладельческом обществе они одни, в феодальном – другие, в капиталистическом – третьи и т.д. Существенные метаморфозы претерпевает и сфера международных отношений, где то ослабевает, то нарастает воздействие составляющих «образ врага» элементов.

Рассмотрим детальнее некоторые социально-психологические аспекты «образа врага» в суммарном виде, как они представлены в научной литературе, политических процессах и идеологической практике. Как указывает Т.Г. Румянцева, проблема человеческой агрессивности становится в настоящее время одной из самых популярных в социальной мысли на Западе, выдвигаясь на первый план многих философских и социологических исследований. Среди этих социальных концепций автор выделяет два основных направления: психическое и биологическое. Первое направление, столь популярное в социальной мысли современного Запада, – психологические теории, развиваемые в русле философии неофрейдизма. Среди сторонников психологической трактовки агрессивности следует назвать В. Райха, К. Хорни, Г. Маркузе, А. Миттерлиха, Н. Брауна, А. Баллока, Э. Фромма.

Главный тезис второго направления, широко представленного сегодня концепциями «врожденной человеческой агрессивности» или биологическими концепциями (Р. Ардри, П. Ванден Берг, К. Лоренц, Д. Моррис, А. Сторр, Л. Тайгер, С. Тернер, Н. Тинберген, Р. Фокс и др.) состоит в том, что агрессивность человека – это врожденный инстинкт, изначально присущий его природе, тесно связанный с животным миром, из которого *homo sapiens* выделился лишь сравнительно недавно.

Агрессивность рассматривается сторонниками этого направления как один из атавизмов, доставшихся человечеству в наследство от зоологических и примитивных предков, при этом значение социализации человека ими игнорируется. Ошибка этих исследователей заключается в абсолютизации агрессивности, возведение ее в ранг ведущего фактора человеческого поведения, чуть ли не основного свойства всей живой материи. Согласно этому подходу, агрессивность выступает в качестве некоего животного начала в человеке, не снятого и опосредованного социализацией.

Разумеется, нельзя полностью отрицать наличие у человека агрессивности. Но агрессивность не является раз и навсегда данным, заложенным в генах врожденным инстинктом, а лишь как одно из проявлений человеческого поведения. Поэтому нет серьезных оснований для абсолютизации данного свойства для того, чтобы рассматривать его ведущим и определяющим мотивом всей человеческой жизнедеятельности.

Авторами биогенетических концепций в пользу агрессивности первобытных людей выдвигается и другой аргумент. В первобытном обществе, утверждают они, имело место большое количество войн, и что войны широко распространены и сегодня у сохранившихся отсталых племен и народов. Конфликты и столкновения рассматриваются представителями данной концепции как результат агрессивной природы этих племен. «Постоянно протекающая из глубины человеческой природы агрессивная энергия, – пишет Д. Фримен, – неизбежно требует освобождения и находит себе выход в таких актах человеческого поведения, как постоянные войны, взаимное истребление друг друга и охота на себе подобных».

Однако выводы, полученные в результате изучения жизни сохранившихся до сих пор людей, живущих в первобытных условиях, опровергают мысль об их чрезмерной агрессивности и показывают, что «нормальным состоянием современных примитивных племен является мир, а не война, и что отношения между племенами гораздо чаще основываются на дружеских и мирных связях, чем на вражде. Если же войны и имеют здесь место, то они представляют собой менее обычную форму отмщения или правосудия и всегда подчиняются известным нормам и правилам, совершаясь в узаконенных обычаях рамках».

Исследователь права М. Рейснер, изучая различные формы права на разных ступенях развития человеческой цивилизации, указывает, что международные столкновения происходили несомненно на основе борьбы за границы или пределы охотничьих округов, а впоследствии – пределы скотоводческих кочевков или коммунально обрабатываемой земли. Но люди, выросшие в пределах первобытного рода и в условиях дикарского хозяйства, не были способны подойти к решению вопроса с его настоящей хозяйственной стороны. Их мозг и нервы не содержали в себе достаточного количества навыков, эмоций и комплексов, чтобы экономику понять как экономику. «Поэтому когда приходилось реагировать против чужеродцев, то на первый план выступали инстинкты родового защитника и бойца и чувства мести против всякого нарушения равенства». Враждебность есть определенное общественное отношение, которое возникает не на пустом месте, а основывается на объективно данных материальных предпосылках, определяющих характер отношения даже внутри отдельной человеческой группы, так что об их внешнем выражении в виде определенных, устойчивых общественных форм связи одной группы с другой говорить не приходится.

Вряд ли можно отрицать, что враждебные отношения есть определенная форма общественной связи групп друг с другом, нуждающихся в материально обусловленных общественных предпосылках. Отсутствие всяких общественных отношений одной группы с другой на первых ступенях эпохи первобытного общества согласно даже формальной логике

должно было означать в равной мере и отсутствие враждебных отношений. Таким образом, закономерная гипотеза, что отношения между человеческими группами на ранней ступени первобытного общества были неразвиты или почти отсутствовали, никак не согласуется с высказываемым некоторыми учеными положением о постоянной вражде первобытных групп людей. Даже если приписать первобытной человеческой группе вымышленную внутреннюю тенденцию к вражде с другими, то, логически рассуждая, никак нельзя пойти дальше признания, что на ранних этапах развития первобытного общества подобная тенденция могла привести лишь к отдельным случайным столкновениям. Враждебность как постоянное качество не может иметь место, для «образа врага», соответственно, нет объективных условий.

Объективно существующая замкнутость группы, неразвитость ее связей с другими сводит враждебность даже при вымышленной внутренней устойчивой тенденции к вражде на ступень случайного эпизода, так как низкая ступень развития производительных сил не создает реальной основы для стабильных форм проявления этой тенденции. Тогда напрашивается вопрос: если для констатации общественных отношений между группами на данной ступени развития еще нет материальной и общественной основы, то какая основа может быть подведена под состояние постоянной вражды?

Общественной основы для вражды нет, биологическая наука отрицает внутривидовую борьбу и не дает ни малейшей опоры для констатации борьбы для обособленных внутривидовых групп друг с другом. Видимо, есть основание полагать, что уже на ранних ступенях развития первобытного общества складывалась объективная закономерная тенденция к мирному взаимовлиянию отдельных человеческих групп, к сотрудничеству их друг с другом. Мелкие группы в период сезонной охоты на крупных животных должны были периодически либо объединяться, либо погибнуть. Необходимость такого объединения диктовалась объективной необходимостью в огромной производственной кооперации для охоты на крупных животных, которая затем распадалась на мелкие группы.

Под состоянием враждебности, как характерной чертой межплеменных отношений, надо понимать реакцию отдельного племени на те попытки нарушить обычное течение его жизни, вмешаться в его внутренние дела и причинить ему вред, которые участились со стороны племен, проходящих уже стадию разложения первобытно-общинного строя. Состояние враждебности проходит свои стадии, зависит от многих обстоятельств, мотивов, факторов.

Правильно, на наш взгляд, отмечает С.А. Токарев, что «взаимная отчужденность между племенами, которая сама в значительной степени порождает веру во вредоносное колдовство, в свою очередь, поддерживалась и усиливалась в связи с этой верой».

Ученые, изучавшие жизнь и верования австралийцев, распространенность эмоции страха или жутки и ее связь с межобщинной и межплеменной неприязнью, отмечают, что всякую боль, смерть и другие беды австралийцы приписывали колдовству людей чужого племени, чужой общины. Чаще всего подозрение падало не на какое-то определенное лицо, а вообще на чужую группу. Так,

этнограф Г. Спенсер сообщил, что племена Аригамовой Земли «всегда больше всего боятся мести от чужого племени или из отдаленной местности».

По мнению других исследователей австралийцев, в частности, Тиллена, занимавшегося изучением племен центральной Австралии, «...все чужое вселяет жуть в туземца, который особенно боится злой магии издали». То же писал миссионер Чалмерс о туземцах южного берега Новой Гвинеи. Это состояние страха, которое испытывают взаимно дикари, поистине плачевно; они верят, что всякий чужеплеменник, всякий посторонний дикарь угрожает их жизни. Малейший шорох, падение сухого листа, шаги свиньи, полет птицы пугают их ночью и заставляют дрожать от страха.

Таким образом, получается, что реальная вражда и воображаемый вред сплетались у этих племен в одно отрицательное чувство к чужакам. Само понятие «чужие» становится воплощением вреда, колдовства, смерти, связано с негативными эмоциями и представлениями. При этом приписывание особой магической силы другому народу (или его колдунам) бывает нередко взаимным.

В. Холличер отмечает, что институт взаимоубийства существует только со времен неолита (10000 лет) и представляет собой не врожденную, а общественно «обученную» форму человеческого поведения – войну. Ведение войны не является биологически детерминированным действием, оно отнюдь не заложено в натуре человека.

История же говорит нам об отсутствии в первобытном обществе «войны всех против всех». Так, даже наскальная живопись не запечатлела ни одного эпизода, который отражал бы столкновения между людьми. Общность земли и всех природных богатств – вот характерные черты этих сообществ.

Мир сотрудничества – более глубинный пласт человеческих отношений, нежели вражда и война, возникающие на определенном этапе истории. Согласно социально-психологическим исследованиям Поршнева Б.Ф. древнейшим принципом конституирования человеческой общности является психологическое размежевание с какими-то «они», то есть, внешними по отношению к данной общности людьми. Для того, чтобы появилось субъективное «мы», требовалось повстречать и обособиться с какими-то «они». Иначе говоря, понятие «они» первичнее, чем понятие «мы». Путем обособления от «они» («враги», «чужие», «неприятные») создавалось понятие «мы» («свои», «друзья», «приятные»), т.е. рефлекс, самосознание общности. Материалы не только из истории первобытного общества, но и из исторически разных эпох свидетельствуют о том, что иногда сознание «мы» может быть очень слабо выражено и вовсе отсутствовать при ясно выраженном сознании, что есть «они». «Они» – это «не мы», и наоборот: «мы» – это «не они». Только ощущение, что есть «они», рождает желание самоопределиться по отношению к «ним», обособиться от «них» в качестве «мы».

Категория «мы» на первых порах конкретнее, реальнее несет в себе те или иные свойства – бедствия происходят от вторжения «их» орд, непонимание «ими» «человеческой речи» («немые», «немцы»). В первобытном обществе «мы» – это всегда люди в прямом смысле слова, т.е. люди

вообще, тогда как «они» – не совсем люди. Прошли тысячелетия, прежде чем впервые пробудилась мысль, что «мы» может совпадать со всем человечеством и, следовательно, не противостоять никакому «они».

По мере усиления столкновений первобытных племен на почве борьбы за территорию и другие блага менялось отношение к чуждым, к «ним». Формирование этнической, языковой, культурной общности сочеталось с обособлением друг от друга. Эти сложные процессы нельзя упрощать. Взаимное культурное и этническое притяжение и сплочение было значительно более высокой ступенью противопоставления себя «им». Чем более замкнута психическая общность, т.е. чем абсолютнее «мы» противопоставляется «им», тем более психические отношения внутри общности тяготеют к суггестии, не встречающей препятствий.

«Мы» формируется путем взаимного уподобления людей, то есть действия механизмов подражания и заражения, а «они» – путем лимитирования этих механизмов, путем запрета чему-то подражать или отказа человека подчинению подражанию, навязанному ему природой и средой. Нет такого «мы», которое явно или неявно не противопоставлялось бы каким-то «они», так и обратно.

В истории человеческого общества много примеров нагнетания психического ощущения «мы» во имя целей, чуждых подлинным интересам людей, вовлекаемых во враждебные отношения к другим. Это, прежде всего, все формы религиозного фанатизма и нетерпимости. Религиозные обряды и церемонии спланивают людей в общности, подчас характеризующихся крайней экзальтацией и накаленностью этого ощущения «мы».

Фашистские и профашистские настроения имеют вполне определенные корни. Австрийский социальный психолог Т. Адорно изучал психологию фашизма. Затем, эмигрировав в США, исследовал профашистские настроения в Америке и обнаружил между двумя странами много общего. В своей книге «Авторитарная личность» он приводит описание социальной психологии. (Следует отметить, что проведенные спустя десятилетие исследования подтвердили наличие «образа врага» как неперемного элемента авторитарно-тоталитарного типа сознания типов людей, зараженных фашистскими и профашистскими настроениями.) Наиболее типичный пример – представитель «средних слоев», скромный отец семейства, мелкий буржуа или служащий. Всегда недоволен. На работе его обходят, он платит тем же, но перспектив у него никаких. Или домохозяйка, вполне безобидная по натуре. Боится засилья нацменьшинств: они жадные, хитрые, все захватывают.

Этот тип Т. Адорно определил как «поверхностно-враждебный»: это самый что ни на есть заурядный обыватель, воспринимающий предрассудки извне без критики и размышлений: чем хуже ему живется, тем сильнее враждебность. Такие люди всегда составляли и ныне составляют основную массу оболваненных фашизмом людей, поддерживающих его. Фашистские и профашистские настроения основаны на общем враждебном настроении такого типа людей, которые постоянно недовольны существующей реальностью, особенно, если она хоть в чем-то

ущемляет их личные интересы и не представляет им прямо сейчас, немедленно, все то, чего им хочется, всего, чего они ожидают.

Научный анализ доказывает, что вне «мы» и «они» нет дихотомии приятного и неприятного, удовольствия и неудовольствия. Социально-психологическое противопоставление «мы» и «они» уходит глубоко внутрь человеческой психики, становится ее сущностью.

Понятия «враг», «враги» тесно связаны с дихотомией «мы» – «они». Эти понятия изменялись в разные эпохи и, надо полагать, будут изменяться и дальше. Когда-то это были «палеоантроп», нелюди, от которых отличали себя, людей, затем – чужаки, чужая кровь: иноплеменники, люди иной веры, а в классовом обществе – угнетатели, поработители, бесчеловечные люди (или, наоборот, «чернь»). В эту категорию заносились завоеватели, иностранцы, люди иных языков и иного подданства, а также иноверцы, еретики, язычники.

Понятие «враги», то есть «они», «чужие», как считает Б. Поршнева, является сквозной категорией науки социальной психологии не в меньшей степени, чем парная ей категория «мы», «свои».

Весьма важно рассмотреть и второй компонент словосочетания «образ врага», а именно, понятие образа, «имиджа», стереотипа.

Известно, что человек фиксирует окружающий мир в своем сознании в виде различных образов, которые могут не точно либо вовсе неверно отражать действительность, окружающую его. При этом создаваемые в человеческом сознании образы в значительной степени определяют его поведение. Отсюда следует, что поведением человека можно управлять, формируя в его сознании нужные образы-представления, поддерживая одни, затеняя другие.

«Образ врага» опасен не только для стабильности и безопасности международных отношений, он влечет крайне негативное проявление и последствия во внутрисполитической жизни страны, истерию по поводу внешней угрозы, взвинченность и напряженную обстановку всеобщей подозрительности, подавление инакомыслия и игнорирование собственных внутренних проблем и др.

И все же было бы ошибкой утверждать, что в историческом процессе «образ врага» сохраняется и даже усиливается. Такая постановка вопроса явилась бы отрицанием исторического прогресса. При всех негативных обстоятельствах, проявлениях и издержках деструктивных сил преобладающей тенденцией исторического процесса является все же развитие сотрудничества в международной сфере, усиление разумного начала в истории. В то же время в обществе накапливается социальная напряженность, антагонизм, конфликты, широкое распространение в столкновениях получают механизмы политического и идеологического манипулирования, оперирующие «образом врага». Дать обобщенную типологию «образа врага», исходя из каких-либо одних критериев, не представляется возможным. Его структурные элементы разнятся от эпохи к эпохе, от страны к стране.

Какие же выводы можно сделать на основе всего сказанного о таком важном элементе межнациональных конфликтов, как «образ врага», который, на наш взгляд, является в большей степени продуктом эволюции негативных национальных стереотипов:

«Образы врага», как и негативные национальные стереотипы существовали на протяжении всей истории человечества, и если бы они являлись непосредственной причиной конфликтов, то человечества бы уже не существовало, иначе говоря, причинами конфликтов всегда выступали экономические, политические, социальные интересы и противоречия, а не национальные стереотипы и образы врага.

Враждебные отношения есть определенная форма общественной связи групп друг с другом, нуждающихся в материально обусловленных общественных предпосылках.

Живучесть «образа врага» и негативных национальных стереотипов связана с эволюцией цивилизации, что по своей сути есть непрерывный процесс внутренней борьбы между инстинктами сохранения и воспроизводства жизни и инстинктом агрессии и истребления.

Общественной основы для вражды нет, биологическая наука отрицает внутривидовую борьбу и не дает ни малейшей опоры для констатации борьбы обособленных внутривидовых групп друг с другом, то есть, возникновение конфликта, как и «образа врага», связано не с внутренними потребностями человека, не есть результат объективного развития, а вызывается с помощью чисто субъективных факторов.

Не «образы врага» или «негативные национальные стереотипы» рожают конфликты, а ситуация конфликта, напряженности, взвинченности являет собой почву для возникновения, становления и развития «образа врага».

* * *

Напоследок хотелось бы сказать вот о чем: в наше непростое время – к сожалению, оно особенно непростое для народов бывшего Союза, – приходится согласиться с тем, что понятия «негативные национальные стереотипы», «образ врага», особенно в качестве составляющих элементов всевозможных конфликтов, еще долго будут занимать умы исследователей. Хотя бы потому, что они нужны очень многим – тем, кому выгодно использовать сегодняшние межнациональные конфликты в качестве отвлекающей и одновременно супершоковой «терапии», тем, для кого поля сражений являются рынками сбыта, тем, для кого горе человеческое – вроде козыря на руках. А пока в них есть нужда, и «образы врага», и все, что служит их возникновению и развитию, будут существовать.

Гасанов И.Б. Национальные стереотипы и «образ врага»// – М., Чернявская Ю. Психология национальной нетерпимости. Хрестоматия. – М. – 1994 – с.3 – 7, 23 – 39.